

ВАЖНО ЧЕТКО РАССТАВИТЬ ПРИОРИТЕТЫ

ИНТЕРВЬЮ

ГРИГОРИЙ ВЫГОН

Управляющий директор компании
VYGON Consulting

Нефтяной рынок заканчивает 2016 год с осторожным оптимизмом. Принятое странами ОПЕК решение о сокращении добычи обещает повышение котировок в наступающем году. Означает ли это, что рынок приблизился к состоянию баланса и справедливому уровню цен? Об этом «Вертикаль» беседует с управляющим директором компании VYGON Consulting Григорием ВЫГОНОМ.

Как отмечает наш собеседник, решение ОПЕК может иметь только краткосрочный эффект. Но в долгосрочном плане наблюдается совершенно четкий тренд на стабилизацию и понижение нефтяных цен. И действия картеля здесь ничего не изменят.

Американская сланцевая революция доказала свою жизнеспособность даже в условиях ценового кризиса. И ее перспективы скорее недооценены, чем переоценены. Одновременно ВИЭ уже становятся дешевле традиционных энергоносителей и активно теснят их в структуре энергобаланса западных стран.

В этих обстоятельствах Россия нуждается в четкой стратегии развития нефтегазового комплекса по всем направлениям: геологоразведка, добыча, переработка. Необходимо также довести до логического завершения налоговую реформу в нефтяной отрасли. Наконец, надо сдвинуть с мертвой точки реформу газового сектора и разработать новую модель российского газового рынка.

Ред.: Григорий Вадимович, какие тенденции в мировом нефтегазовом комплексе в уходящем году вам показали наиболее важными?

Г.В.: С точки зрения баланса и цен ничего неожиданного в этом году не произошло. Рынок нефти находился в состоянии перманентного перепроизводства. При этом можно сказать, что цены на нефть не отражают этот дисбаланс, в противном случае они бы сейчас составляли \$30 и ниже.

Благодаря различным спекулятивным играм, а также вследствие переговоров внутри ОПЕК и с независимыми производителями, уровень котировок оказался выше прошлогоднего. Это еще раз подтвердило тот факт, что биржевое ценообразование, по крайней мере в краткосрочной перспективе, не опирается на фундаментальные факторы.

Ред.: В последний день осени страны ОПЕК все же пришли к

согласию по поводу сокращения производства нефти. Россия объявила о своем намерении к ним присоединиться. Как, по вашему мнению, это повлияет на цены?

Г.В.: Надо четко различать краткосрочные и среднесрочные эффекты решения ОПЕК. В краткосрочном плане оно действительно может привести к небольшому росту цен. Хотя мне кажется, что рынок своим уровнем \$50–55/барр уже авансом оценил шансы такой «заморозки». По-

этому значительного роста котировок выше этого уровня ждать не стоит.

Если же цена вырастет существенно выше \$55/барр, то активизируется сланцевая добыча в США. Уже сегодня число действующих буровых установок в Соединенных Штатах выросло в полтора раза, до 477 штук по сравнению с минимальным уровнем 316 штук в мае 2016 года.

До 2014 года производство нефти в Америке росло ежегодно на 1 млн барр/сут. При благоприятных условиях Соединенные Штаты могут не только восстановить, но даже превзойти эти темпы роста. В результате за год они выбросят на рынок столько нефти, сколько ОПЕК с него «уберет». То есть даже в краткосрочном плане эффект решения картеля может быть сведен на нет.

Спрос тоже может подрасти на 1–1,2 млн барр/сут., что примерно соответствует текущему уровню избытка нефти. Таким образом, в случае реализации решения о сокращении добычи ОПЕК в 2017 году рынок будет сбалансированным.

Однако за несколько лет дисбаланса накопился значительный объем добытых, но не реализованных коммерческих запасов нефти. Кроме того, остаются серьезные сомнения относительно способности ОПЕК соблюдать достигнутые договоренности. Так что удержать этот хрупкий баланс при ценах выше \$55/барр будет проблематично.

Ред.: То есть решение ОПЕК — это не всерьез и не надолго? Оно не позволит достичь справедливых равновесных цен, о которых столько говорили?

Г.В.: Знать бы, где эта «справедливость»... На протяжении последних десятилетий была популярна теория о пике нефти, то есть о предельных возможностях ее добычи. Но сегодня она уже не актуальна. Даже при нынешних ценах предложение на нефтяном рынке будет только расширяться.

С другой стороны, спрос через некоторое время начнет снижаться, что обусловлено развитием новых технологий, в частности,

распространением электромобилей. Это ограничит потолок цен на нефть.

Все это не означает, что цена на нефть по какой-то причине не может вырасти до \$100 и более. Может в любую секунду. Например, произойдут очередные конфликты на Ближнем Востоке, и котировки сразу рванут вверх. Но они там долго не продержатся.

Иными словами, наблюдается совершенно четкий долгосрочный тренд на стабилизацию и понижение нефтяных цен. И решения ОПЕК здесь ничего не изменят. Если картель будет и далее проводить политику сокращения добычи, то он просто отдаст свою долю другим производителям. Такая стратегия только ускорит развитие технологий добычи альтернативных видов топлива.

Ред.: Но не переоцениваем ли мы возможности сланцевой революции в США? Ведь многие американские сланцевые компании разорились на фоне низких цен на нефть...

Г.В.: Вопреки тому, что пишут и говорят в отдельных СМИ, всеобъемлющего кризиса в американской сланцевой отрасли нет. Да, отдельные случаи банкротств имеют место, но ведь добывающих компаний в США тысячи.

К тому же банкротящиеся сланцевые компании сразу же скупаются. Даже если у них не очень хорошее финансовое положение, у них остаются добычные активы. Имеется большое количество работающих, а также уже пробуренных скважин, в которых не проведен гидроразрыв. И их можно относительно быстро запустить в эксплуатацию.

Одновременно снижаются издержки, совершенствуются технологии бурения и добычи, повышается их эффективность. И я думаю, что кризис в этой сфере уже пройден. По моему ощущению, возможности сланцевой революции не переоценили, а, наоборот, недооценили.

К тому же в мире есть и другие регионы, помимо Северной Америки, где может развиваться сланцевая добыча. К их числу относятся и Россия.

Ред.: Избранный президентом США Дональд Трамп объявил о намерении снять ограничения на добычу нефти в стране. Это тоже как-то повлияет на цены?

Рынок нефти находился в состоянии перманентного перепроизводства. Цены на нефть не отражают этот дисбаланс, в противном случае они бы сейчас составляли \$30 и ниже

Г.В.: Если ограничения снимут, то Соединенные Штаты, конечно, будут добывать еще больше. В долгосрочной перспективе это ухудшает ценовую ситуацию, но не радикально. Надо понимать, что даже при нынешних ограничениях и текущем уровне технологий прогноз для отрасли умеренно-пессимистичный.

Надо четко различать краткосрочные и среднесрочные эффекты решения ОПЕК. В краткосрочном плане оно действительно может привести к небольшому росту цен

Повторяю, не надо строить иллюзий, что в долгосрочной перспективе цены вернуться к \$100/барр в реальном выражении и останутся на этом уровне. Этого однозначно не будет. Если мы исходя из таких цен будем писать Энергостратегию, либо же если наши госкомпании будут инвестировать в арктический шельф, то через 5–10 лет мы получим очень плачевные результаты.

Поэтому надо не оглядываться на сланцевую революцию и Трампа, а выстраивать собственную долгосрочную стратегию. Надо отказаться от некоторых наиболее дорогостоящих проектов, в первую очередь на шельфе. Одновременно следует инвестировать в разработку ресурсов на уже освоенных территориях на суше, совершенствовать технологии добычи трудноизвлекаемых запасов и т.д.

Ред.: Помимо решения ОПЕК и сланцевой революции, на уровень добычи, безусловно, влияет объем инвестиций в отрасль...

Г.В.: Падение цен привело к тому, что глобальные компании существенно снизили инвестиции — по оценкам МЭА, с \$780 млрд в 2014 году до \$450 млрд в 2016-м. Ясно, что это скажется на добыче с некоторым лагом, через пять-семь лет. Эффект сокращения инвестиций в ГРП уже заметен. Так, по данным Wood Mackenzie, в результате снижения расходов на разведку нефти со \$100 до \$40 млрд происходит значительное сокращение объема открываемых запасов.

Наблюдается совершенно четкий долгосрочный тренд на стабилизацию и понижение нефтяных цен. И решения ОПЕК здесь ничего не изменят

Правда, в физическом выражении объем работ в отрасли сократился меньше, чем в денежном. Ведь сервисные компании также вынуждены снижать расценки на свои услуги. Поэтому, чтобы оценить серьезность эффектов недофинансирования в среднесрочной и долгосрочной перспективе, надо сначала посмотреть на динамику поискового и эксплуатационного бурения в мире в ближайшие годы.

Ред.: Если с нефтью все так плохо, то, может быть, отечественным компаниям надо быстрее переориентироваться на газ, увеличивать его добычу?

Вопреки тому, что пишут и говорят в отдельных СМИ, всеобъемлющего кризиса в американской сланцевой отрасли нет. Возможности сланцевой революции не переоценили, а, наоборот, недооценили

Г.В.: Сегодня многие рассуждают так: ну ладно, нефть будет пользоваться не таким высоким спросом, но хотя бы у газа перспективы безоблачные. Нет, он тоже находится в зоне риска, вопрос только во временных горизонтах.

В среднесрочной перспективе ситуация на газовом рынке будет оставаться стабильной, спрос будет расти. Но на дальних горизон-

тах угроза снижения потребления существует.

При этом для России важнее даже не объем спроса на газ, а обострение конкуренции между его производителями. В ближайшие пять лет появятся существенные объемы «нового» СПГ, в первую очередь из Австралии и США. Поскольку на рынке газа, в отличие от нефтяного, пока преобладают долгосрочные контракты, значительные объемы будущих поставок уже законтрактованы. И поэтому России будет не просто увеличить объемы сбыта своего газа.

Здесь мы реально опаздываем по сравнению с конкурентами. Вопрос монетизации наших газовых проектов крайне болезненный. Как известно, уже пришлось отказаться от разработки Штокмана. В сложном положении находятся и газовые проекты Восточной Сибири. Себестоимость добычи газа там велика, строительство инфраструктуры тоже будет стоить недешево. Возникает конкуренция с центрально-азиатским газом. Так что, несмотря на наличие триллионных запасов, монетизировать их будет крайне сложно.

Ред.: Насколько серьезны вызовы со стороны альтернативной энергетики? Не пора ли нашим нефтяным компаниям инвестировать в солнечные панели и ветровые установки?

Г.В.: Альтернативная энергетика обязательно окажет влияние на объемы потребления углеводородов. Во многих странах ВИЭ (даже без государственных субсидий) уже дешевле традиционных энергоносителей. И поэтому больше половины вводимых в мире энергетических мощностей сегодня приходится именно на альтернативную энергетику.

В России тоже уже вкладывают инвестиции в развитие солнечной и ветровой генерации. Другое дело, что у нас ВИЭ нужны только в удаленных регионах, где нет электросетей, куда дорого везти дизельное топливо или тянуть газовую трубу. Понятно, что при наших внутренних ценах на газ более конкурентоспособной будет именно газовая генерация.

Хотя, может быть, с развитием технологий накопления и хранения энергии ВИЭ начнут постепенно вытеснять традиционную энергетику.

Ред.: Понятно, что долгосрочные перспективы не радужны. А каковы ваши прогнозы относительно объемов российской нефтедобычи в ближайшие годы?

Г.В.: В начале нынешнего года мы сделали краткосрочный прогноз по динамике российской нефтедобычи. И наши расчеты оправдались — добыча, как и ожидалось, вырастет на 11 млн тонн, до 545 млн тонн (с учетом газоконденсата). Если бы Россия не поддержала решения ОПЕК по сокращению производства сырья, добыча могла бы вырасти в следующем году еще больше.

Критическая точка — конец десятилетия. Если к этому моменту не будет серьезных прорывов в разработке ТРИЗ, если геологоразведка не восстановится (а она падает второй год подряд), то у нас начнется сокращение добычи. Конечно, оно будет не критическим, но сам факт смены тренда — падение вместо роста — весьма неприятен.

Ред.: Как же предотвратить такое развитие событий?

Г.В.: Решения для поддержания и роста добычи есть. Можно, например, вводить в разработку открытые, но не осваиваемые залежи Западной Сибири, выходить на более глубокие горизонты. В свою очередь, в Урало-Поволжье имеются значительные ресурсы высоковязких тяжелых нефтей, ждущих освоения. В России огромный ресурсный потенциал нетрадиционных углеводородов (в первую очередь бажена). Наконец, есть новые регионы, где надо продолжать поисковые работы и вводить в эксплуатацию месторождения, открытые 10–15 лет назад.

Понятно, что сил и средств на все эти направления не хватит. Поэтому надо четко расставить приоритеты. Сейчас подготовлена концепция ВМСБ, которую после обсуждения со всеми заинтересованными сторонами и доработки должны доложить руководству страны. Там как раз

указаны приоритеты по регионам и видам объектов воспроизводства (см. «Развилки и сценарии стратегии ВМСБ», НГВ #20/2016).

Для каждого региона должен быть определен набор мер, стимулирующих компании к тем или иным действиям по воспроизводству МСБ. Но и сами компании обязаны иметь свою систему ценностей и уметь ранжировать проекты — по отдаче на вложенный капитал, по перспективам восполнения запасов и наращивания добычи и т.д. Государство же может только поддержать их устремления. Например, видя интерес той или иной ВИНК к глубоким горизонтам Западной Сибири, предоставить какую-либо налоговую льготу на поиски и освоение.

Еще один важный инструмент — технологические полигоны. В последнее время появилось несколько институтов развития, которые стимулируют инвестиции в НИОКР или поддерживают внедрение новых технологий в промышленное производство. Компании отрасли активно с ними работают, и уже появляются первые позитивные результаты.

Но основные сложности возникают при отработке технологий на этапе опытно-промышленных испытаний и последующей коммерциализации разработок. Поэтому необходимы площадки, на которых будут созданы благоприятные условия для тестирования большого количества различных технологий и обмена результатами испытаний с целью дальнейшего коммерческого применения в отраслевом масштабе. Сейчас мы готовим соответствующую концепцию для Минприроды России.

Эффект в долгосрочной перспективе может дать введение НДД. Это позволит зафиксировать правила игры в отрасли, чего нефтяники добиваются уже многие годы. Перевод налогообложения новых проектов на НДД будет способствовать вовлечению в разработку дополнительных запасов.

В целом же Россия может довести объемы добычи нефти до 600 млн тонн в год и даже выше. Вопрос в том, хочет ли этого государство и готово ли оно ради достижения этой цели пожертвовать

частью бюджетных доходов сегодня ради получения их завтра. Ну и, конечно, очень многое будет зависеть от темпов разработки и внедрения новых технологий.

Ред.: В нынешнем году в России сократились объемы нефтепереработки. Чем это объясняется и сохранится ли такой тренд в 2017 году?

Г.В.: Действительно, переработка у нас в этом году сократится, но не так сильно, как мы ожидали еще в апреле. Я считаю, что это нормальный процесс — отрасль реагирует на изменившиеся экономические условия. То, что еще пару лет назад было невыгодно, сегодня оказалось на грани операционной рентабельности или даже за гранью.

Российская переработка до недавнего времени процветала благодаря так называемым таможенным субсидиям. По нашим оценкам, за 10 лет их объем отечественным НПЗ составил около 10 трлн рублей. Но нельзя же надеяться на то, что государство вечно будет субсидировать переработку в таких гигантских масштабах.

В некоторых случаях владельцы НПЗ сами виноваты. Кто-то вовремя не инвестировал в углубляющие процессы или же делал это недостаточно активно. Кто-то, наоборот, построил избыточные мощности. И сегодня участники

рынка платят за эти ошибочные инвестиционные решения.

Кроме того, надо учитывать, что сократилась, прежде всего, простая переработка. Крупные компании убрали так называемые мазутные слои, что привело к оптимизации загрузки вторичных процессов. Благодаря этому большинству НПЗ удалось сохранить положительную маржу.

В среднесрочной перспективе ситуация на газовом рынке будет оставаться стабильной, спрос будет расти. Но на дальних горизонтах угроза снижения потребления существует

Одновременно увеличивается выпуск бензина. А ведь именно недостаточные объемы производства автобензинов были в последние годы головной болью и правительства, и участников рынка. Наконец, мы перешли на выпуск топлива 5-го экологического класса. Хотя некоторые товарищи сомневались в возможности такого перехода в 2016 году.

В следующем году ситуация в переработке будет тяжелее, поскольку введут 100%-е пошлины на темные нефтепродукты. Это в большей степени ударит по заводам с простыми технологическими схемами, их маржа будет снижаться.

Ред.: Можно ли ожидать, что в более отдаленной перспективе ситуация в нефтепереработке улучшится?

Г.В.: Надо понимать, что переработка в мире никогда не была сверхприбыльным бизнесом. В 1980–1990-е годы европейские НПЗ владели довольно жалкое существование. Простые заводы всегда «болтались» в районе нулевой маржи, а средние и комплексные выживали за счет конфигурации и покупки с дисконтом смеси Urals. Их маржа составляла \$2–2,5/барр, что все равно не позволяло окупать инвестиции в новые проекты.

Компании пытаются под видом газовой реформы продать свои интересы. Но это абсолютно несистемная работа. Комплексного взгляда на будущее газового рынка у правительства нет

Но с 2005 года маржа европейских заводов резко выросла, до \$4,5–5/барр. И российские ВИНК бросились скупать НПЗ за рубежом, в том числе и в Европе. Это, на мой взгляд, была ошибочная политика. Потому что конкуренция на европейском рынке растет, в том числе за счет поставок топлива с ближневосточных НПЗ.

Я думаю, что маржа переработки — глобальная и региональная — вскоре начнет снижаться и опять достигнет тех уровней, которые не позволят окупить широкомасштабные инвестиции. И нашим заводам тоже надо к этому готовиться.

Иными словами, «золотое время» для переработки заканчивается. Какие-то мощности придется, видимо, закрывать. И не обязательно это будут маленькие независимые НПЗ. В составе некоторых ВИНК есть заводы, эффективность функционирования которых под большим вопросом. Это порождает ряд социальных проблем. В ряде случаев НПЗ являются градообразующими предприятиями. Но иного выхода, по-видимому, нет. России не нужно перерабатывать 300 млн тонн в год. Для обеспечения внутренних потреб-

ностей и экспорта достаточно 220 млн тонн.

Поэтому следует определить с будущим отечественной переработки и сформулировать цели отрасли в каком-либо стратегическом документе. Например, в нефтяной Генсхеме, которая сейчас разрабатывается. И уже в зависимости от того, какие целевые ориентиры будут поставлены, надо корректировать таможенный режим или вводить компенсационные механизмы для НПЗ.

Ред.: Некоторые эксперты утверждают, что главная угроза для российской переработки — прекращение поставок нашего дизеля в Европу...

Г.В.: Я полностью разделяю эти опасения. Если мы будем экспортировать 70 млн тонн дизеля 5-го класса, то как на это отреагируют европейские производители? Они пойдут к своим правительствам и будут требовать введения ограничительных мер, апеллируя к энергетической безопасности. И не исключено, что на пути нашего дизеля начнут возводиться искусственные барьеры, как это сейчас происходит с газом.

Но даже если отвлечься от политики и вернуться на экономические рельсы, прогноз по экспорту дизеля не станет лучше. Увеличение поставок российского ДТ в Европу уже привело к тому, что у него появился отрицательный ценовой спред по отношению к бензину. А поскольку дизель занимает значительную долю в структуре выпуска нефтепродуктов в России, маржа наших заводов будет испытывать дополнительное давление.

Ред.: Строительство ряда установок по углублению переработки было отложено из-за кризиса. Есть ли смысл возвращаться к этим проектам в связи с такими пессимистическими прогнозами?

Г.В.: Больше половины проектов, предусмотренных четырехсторонними соглашениями, либо уже завершено, либо близится к завершению. То есть закуплено оборудование, идут пусконаладочные работы и т.д. Да, есть и

подвисшие проекты, с которыми непонятно, что делать.

Но надо разделять инвестиции в увеличение первичных мощностей и в создание облагораживающих процессов, которые приводят к повышению качества и экологической чистоты нефтепродуктов. Если компании не будут вкладывать деньги в дальнейшую модернизацию НПЗ, они проигрывают по марже.

Так что ситуация тут двоякая. С одной стороны, модернизация оказывается избыточной. Если мы на 300 млн тонн первичной переработки «навесим» соответствующий объем вторичных мощностей, то мы получим гигантский профицит светлых нефтепродуктов. Они будут не нужны ни на российском, ни на зарубежных рынках.

С другой стороны, если не инвестировать в повышение глубины переработки, то можно оказаться в зоне отрицательной маржи. А это чревато потерей бизнеса. Поэтому каждая компания, каждый завод должны определиться со своим будущим.

Но у нас с этим проблемы. Нередко компании, разрабатывая свои стратегии (не только в переработке, но и в добыче), ведут себя так, как будто они одни на рынке. Хочу добывать 100 млн тонн — буду добывать. Хочу перерабатывать 50 млн тонн — буду перерабатывать. Но ведь рынок не резиновый, его нужно хорошо понимать — видеть не только сегодняшнюю картинку, но и то, что будет через 5–10 лет...

Ред.: Складывается впечатление, что 2016 год оказался потерян в плане налоговой реформы в НК. Никаких серьезных изменений здесь не произошло...

Г.В.: Я не согласен с тем, что год потерянный. Был сделан колоссальный шаг вперед — подготовлен законопроект по НДС. Удалось значительно сблизить позиции всех заинтересованных сторон. И я очень надеюсь на то, что этот законопроект будет принят в следующем году и вступит в силу с 2018 года.

Также полагаю, что в 2017 году дискуссия об отмене пошлин перейдет из теоретической в практическую плоскость. Будет принят

план завершения налогового маневра и разработаны компенсационные механизмы для переработки. Потому что отсутствие определенности мешает компаниям принимать правильные инвестиционные решения.

Вообще, главная проблема нашей налоговой политики — неправильные сигналы для бизнеса или же их полное отсутствие. Тому есть масса примеров — и с пошлинами, и с акцизами, не говоря уже об НДС. Компании привыкли каждый год ждать чего-то плохого, повышения налогового бремени. Но что именно произойдет и как — неизвестно.

Поэтому в следующем году обязательно надо довести реформу в нефтянке до логического завершения. То есть задать четкие ориентиры и начать двигаться по намеченному курсу.

А дальше, за пределами 2018 года, на очереди налоговая реформа в газовой отрасли. Но она не может быть осуществлена в отрыве от создания новой модели газового рынка.

Ред.: Как скоро, по вашему мнению, она может быть разработана?

Г.В.: Если уж говорить о потерянном времени, то в отношении газовой отрасли. Еще полтора года назад президент дал поручение проработать пресловутую модель газового рынка. Но нет вообще никакого движения.

Компании пытаются под видом газовой реформы продать свои интересы. Независимые производители просят дать им возможность экспортировать газ. «Газпром» пытается провести в трех регионах эксперимент по отказу от нижней границы регулируемых цен. Но это абсолютно несистемная работа. Комплексного взгляда на будущее газового рынка у правительства нет.

И у меня в этом вопросе нет оснований надеяться на изменения к лучшему в следующем году. Сближения позиций участников газового рынка не наблюдается, до компромисса еще крайне далеко. Видимо, здесь следует проявить политическую волю. То есть спустить сверху некое готовое решение. Причем оно должно ка-

саться не только производителям, но и потребителям — как промышленных предприятий, так и населения.

Однако поскольку следующий год — фактически предвыборный, сюрпризов я не жду. А значит, и 2017 год пройдет «мимо газа».

Ред.: Возрастет ли налоговое бремя для нефтяников в 2018 году?

Г.В.: Минфин готов в любой момент «подкрутить» НДС, чтобы увеличить доходную часть бюджета. Здесь многое будет зависеть от внешней конъюнктуры, дефицита бюджета и т.д.

К сожалению, тут возникает замкнутый круг. Все понимают, что нефтегазовый комплекс — основа экономики. Не только в связи с объемом уплачиваемых налогов, но и благодаря мультипликативному эффекту. Но это и единственная отрасль, с которой еще можно что-то взять.

Бесспорно, владельцам нефтяных компаний всегда неприятно, когда у них изымают часть доходов. Но здесь должен быть разумный компромисс. Надо смотреть, насколько увеличение налогового бремени повлияет на инвестиционную активность и на перспективы производства сырья. Думаю, что «хирургические операции» по изъятию части прибыли ВИНК неприятны, но не смертельны. А каких-либо радикальных решений по увеличению фискальной нагрузки на НК принято не будет — ни в следующем году, ни после.

Вместе с тем нельзя забывать о тех среднесрочных и долгосрочных перспективах, о которых я уже упоминал. Лет через десять мы можем оказаться в ситуации, когда нефть будет стоить в районе \$30/барр. Откуда тогда брать доходы? Надо к этому готовиться, искать альтернативные источники наполнения бюджета, иначе нас будут ждать крайне неприятные сюрпризы.

Ред.: В этом году не решен и еще один насущный вопрос — относительно маршрутов новых экспортных газопроводов...

Г.В.: Здесь тоже нельзя сказать, что год потерян. Да, строительство новых магистралей не

началось. Но наши европейские партнеры стали осознавать «проблему 2020 года» не как российско-украинскую, а уже как свою.

Я считаю, что в конечном итоге это позитивно повлияет на догрузку наземной части «Северного потока», на строительство «Северного потока-2» и на сооружение двух ниток «Турецкого потока». То есть рано или поздно мы решим проблему транзита газа через Украину. Наверняка этот план в полной мере не удастся реализовать к моменту окончания текущего транзитного договора, но значительную часть рисков мы с себя снимем уже в ближайшие два-три года.

Ред.: Какие тенденции, на ваш взгляд, будут определять развитие глобального и российского НК в 2017 году?

Г.В.: Если честно, мы не ждем ничего особенного. В России ситуация умеренно позитивная. Объемы добычи будут зависеть от того, как страна будет выполнять достигнутые соглашения с ОПЕК. А масштабы переработки — от динамики цен на нефть и размера таможенных субсидий.

Рано или поздно мы решим проблему транзита газа через Украину. Значительную часть рисков мы с себя снимем уже в ближайшие два-три года

На глобальном рынке тоже особых подвижек не ожидается. Единственное, что по-настоящему интересно, — это возможные технологические прорывы. Любопытно, к примеру, как будет развиваться альтернативная энергетика, насколько повысится ее конкурентоспособность. Что произойдет с электромобилями, удастся ли снизить стоимость аккумуляторов для них?

Не исключены неожиданные прорывы в сфере газогидратов. Японцы достаточно активно проводят свои испытания и, по заявлениям, уже в одном шаге от начала их промышленной добычи. Поэтому именно в области нетрадиционной энергетики возможны сюрпризы.